

Наталья Николаевна Васягина^{1✉}
Анна Владимировна Саночкина^{2✉}

Nataliya N. Vasyagina^{1✉}
Anna V. Sanochkina^{2✉}

СОЦИАЛЬНО- ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ МАТЕРИ, ПРИМЕНЯЮЩЕЙ НАСИЛЬСТВЕННЫЕ МЕТОДЫ ВОСПИТАНИЯ

A SOCIO-PSYCHOLOGICAL PORTRAIT OF A MOTHER USING HARSH PARENTING METHODS

¹ Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург, Россия, vasyagina_n@mail.ru, SPIN-код: 2704-0840

² Психологический центр помощи семье «Крылья», Тюмень, Россия, sanochkina.ann@gmail.com, SPIN-код: 5958-6129

Аннотация. Для каждого ребенка мать является значимой фигурой, при участии и под влиянием которой происходит его становление. Многочисленными исследованиями подтверждено, что содержание личностных вкладов матери в настоящее и будущее ребенка и средства, которые при этом используются, напрямую зависят от ее психологических особенностей. Одним из вариантов проявления деструктивного материнства, влекущим за собой серьезные последствия для психологического благополучия ребенка, является применение насильственных методов воспитания. В этой связи важнейшее значение приобретает осмысление психологических особенностей матерей как внутренних условий выбора применения насилия по отношению к ребенку, что явилось целью настоящего исследования.

¹ Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia, vasyagina_n@mail.ru, SPIN: 2704-0840

² Psychological Center for family Assistance “Wings”, Tyumen, Russia, sanochkina.ann@gmail.com, SPIN: 5958-6129

Abstract. For every child, mother is a significant figure, with the participation and under the influence of whom their development takes place. Numerous studies have confirmed that the content of the mother's personal contributions to the present and future of the child and the means used in this case directly depend on her psychological characteristics. One of the ways in which destructive motherhood manifests itself, with serious consequences for the psychological well-being of the child, is the use of harsh parenting methods. In this regard, it is of crucial importance to understand the psychological characteristics of mothers as internal conditions for resorting to the use of violence against their child, which is the purpose of this study. The theoretical basis of the research consists of the ideas of the personality-oriented approach, theories that consider

Теоретическую базу исследования составляют положения личностно ориентированного подхода, теории, рассматривающие материнство как личностное образование, прикладные исследования применения родителями психологического и физического насилия по отношению к ребенку. Насилие / применение насильственных методов воспитания рассматривается нами как модель поведения, характеризующаяся систематическим (устойчивым) преднамеренным физическим или психологическим воздействием матери на ребенка, которое причиняет ему психические и/или физические страдания и/или имеет негативные последствия для развития.

В качестве методов сбора эмпирических данных использовались международный опросник ICAST-P, сочинение «Я — мама», опросник «Уровень субъектности матери, Методика исследования самооотношения (В. В. Столин, С. Р. Пантеев), опросник «Взаимодействие родитель — ребенок». В исследовании приняла участие 423 женщины, имеющие детей дошкольного и младшего школьного возраста.

Проведенное исследование позволило зафиксировать как значительную распространенность применения матерями насильственных методов воспитания, так и лояльное отношение к их использованию: психологическое и физическое насилие большинство респондентов считают оправданной и дисциплинарной мерой. Наиболее значимыми формально-статусными характеристиками матерей, применяющих насилие по отношению к ребенку, являются: среднее или специальное образование, отсутствие трудовой занятости, многодет-

motherhood as personal education, and applied research on the use of psychological and physical violence by parents against their child. Violence or use of harsh parenting methods are considered by the authors of this article as a model of behavior characterized by systematic (sustained) deliberate physical or psychological influence of the mother on the child, which causes the latter mental and/or physical suffering and/or has negative consequences for development.

The international ICAST-P questionnaire, an essay on the topic “I am a mother”, the questionnaire “The level of subjectivity of the mother, the method of studying self-attitude (V. V. Stolín, S. R. Pantileev), and the questionnaire “Parent-child interaction” were used as methods of collecting empirical data. The study involved 423 women with children of preschool and junior primary school age.

The research undertaken by the authors has made it possible to record both the significant prevalence of the use of harsh parenting methods by mothers and a loyal attitude towards their use: psychological and physical violence is considered by the majority of respondents to be a justified and disciplinary measure. The most significant formal status characteristics of mothers who use violence against their child are: secondary or special education, lack of employment, large family, incomplete family, experience of violence in the family when she was a child, and disharmonious marital relations, including violence on the part of her husband (psychological, physical or economic). A comparative study of the psychological characteristics of mothers who use and do not use harsh parenting methods has made it possible to record significant quantitative and

ность, неполная родительская семья, опыт насилия в родительской семье, дисгармоничные супружеские отношения, в том числе насилие со стороны мужа (психологическое, физическое или экономическое). Сравнительное исследование психологических особенностей матерей, применяющих и не применяющих насильственные методы воспитания, позволило зафиксировать значимые количественные и качественные различия, обнаруживаемые в самосознании, представлениях о ценностях и целях материнства, отношении к себе и ребенку, параметрах детско-родительского взаимодействия. Установлено, что ядром психологического портрета матерей, применяющих насилие по отношению к ребенку, является симптомокомплекс: неадекватный образ «Я» — отрицание собственных проблем — повышенная критичность по отношению к ребенку — неудовлетворенность отношениями — необъективные оценки результатов воспитательного воздействия.

Полученные в исследовании данные могут стать основой для построения профилактических программ, мероприятий психолого-психологического сопровождения матерей, применяющих психологическое и физическое насилие по отношению к ребенку, а также при организации просветительской и консультационной работы с семьей.

Ключевые слова: материнство, семейное воспитание, насильственные методы воспитания, физическое насилие, психологическое насилие, дети, детско-родительские отношения, социально-психологический портрет.

Информация об авторах: Васягина Наталия Николаевна, доктор психологических наук, профессор, заве-

qualitative differences found in self-awareness, ideas about the values and goals of motherhood, attitudes towards themselves and the child, and the parameters of child-parent interaction. It has been established that the core of the psychological portrait of mothers who use violence against their child is made up by a complex of symptoms: inadequate self-image — denial of their own problems — exaggerated critical attitude towards the child — dissatisfaction with relationships — biased assessments of the results of educational intervention.

The data obtained in the study can become a basis for building preventive programs, psycho-pedagogical support measures for mothers who use psychological and physical violence against their child, as well as for organizing education and consulting of the family.

Keywords: motherhood, family education, harsh parenting methods, physical violence, psychological violence, children, child-parent relationships, socio-psychological portrait.

Author's information: Vasyagina Nataliya Nikolaevna, Doctor of Psychology, Professor, Head of Department

дующая кафедрой психологии образования, Уральский государственный педагогический университет; адрес: 620091, Россия, Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26; email: vasyagina_n@mail.ru.

Саночкина Анна Владимировна, кандидат психологических наук, педагог-психолог, Психологический центр помощи семье «Крылья»; адрес: 625048, Россия, Тюмень, ул. Механическая, 31; email: sanochkina.ann@gmail.com.

Для цитирования: Васыгина, Н. Н. Социально-психологический портрет матери, применяющей насильственные методы воспитания / Н. Н. Васыгина, А. В. Саночкина. — Текст : непосредственный // Специальное образование. — 2024. — № 3 (75). — С. 95-112.

Актуальность. Ни один из существующих социальных институтов не обладает таким высоким уровнем влияния на личностное развитие ребенка, как институт материнства. Именно мать является той значимой личностью, которая вводит ребенка в мир социальных отношений, задает сценарий его отношения к самому себе, окружающим людям, миру в целом. При этом содержание личностных вкладов матери в настоящее и будущее ребенка и средства, которые при этом используются, напрямую зависят от ее психологических особенностей [5].

В настоящее время наблюдается растущий интерес к исследованию природы и предикторов деструктивного материнства, особое внимание уделяется изучению женщин, чье материнское пове-

of Educational Psychology, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia.

Sanochkina Anna Vladimirovna, Candidate of Psychology, Teacher-Psychologist, Psychological Center for family Assistance “Wings”, Tyumen, Russia.

For citation: Vasyagina, N. N., Sanochkina, A. V. (2024). A Socio-psychological Portrait of a Mother Using Harsh Parenting Methods. *Special Education*, 3(75), pp. 95-112. (In Russ.)

дение не соотносится с социальными нормами и ценностями. Одной из распространенных моделей деструктивного поведения матери является применение насильственных методов воспитания (физического и/или психологического насилия). По данным Организации Объединенных Наций, каждый второй ребенок в мире подвергается жестокому наказанию со стороны родителей [2].

Следует подчеркнуть, что, несмотря на отчетливое негативное отношение в российском обществе к насилию, попытки выявления и предупреждения жестокого обращения с детьми, и особенно насилия, проявляемого матерью по отношению к ребенку, не имеют должного успеха. Во-первых, совершение насильственных действий зачастую скрыто от на-

блюдателя, а возрастные особенности ребенка (особенно до 10 лет), который еще не имеет достаточного жизненного опыта, не позволяют дать объективную оценку происходящему. Во-вторых, ситуация осложняется большим разнообразием форм и способов насилия (от криков, запугиваний, оскорблений до шлепков, ударов и других более жестоких физических наказаний), отношение к которым на уровне общественного сознания является избирательно дифференцированным: как правило, категорично осуждаются способы физического воздействия (даже единичные), последствия которых оставляют явные видимые следы на теле ребенка в виде синяков, царапин, кровоподтеков и пр., в то время как множество изощренных способов деструктивного психологического воздействия (насилия), оставляющего следы в виде «душевных синяков и ссадин», либо вызывают существенно меньше осуждений, либо не замечаются, либо оцениваются как вполне допустимые, чем размывается граница между приемлемой в отношении ребенка моделью поведения и насилием и затрудняется распознавание насилия как самой матерью, так и ее окружением. В этой связи важнейшее значение приобретает осмысление психологических особенностей матерей как «внутренних цензоров», определяющих

мотивы действий и внутренний смысл тех задач, которые мать решает, реализуя материнские функции [23].

Целью настоящего исследования явилось изучение психологических особенностей матерей, применяющих насильственные методы воспитания ребенка.

Теоретическую базу исследования составляют положения личности ориентированного подхода (А. А. Асмолов, К. А. Абульханова-Славская, М. Бахтин, П. П. Блонский, Д. А. Леонтьев, В. А. Петровский, К. Роджерс, В. Франкл), психологические теории, рассматривающие материнство как личностное образование (В. С. Мухина, Р. В. Овчарова, Г. Г. Филиппова, М. Ю. Чибисова, Т. В. Леус) и самосознание матери как ключевую характеристику ее личности (Н. Н. Васягина, Е. Н. Рыбакова, Н. А. Устинова); прикладные исследования, описывающие феноменологию применения родителями психологического и физического насилия по отношению к ребенку (Н. О. Зиновьева, Н. Ф. Михайлова, Е. Т. Соколова, Е. Н. Волкова, Л. С. Алексеева, К. Браун).

Обращение к исследованиям С. В. Ардашева, М. Н. Галстян, И. С. Кон, А. Е. Щеглова, Т. Е. Hargis и др. показывает, что насильственные способы воздействия на ребенка неоднозначно оценивались в разные исторические пе-

риоды [4]. Вплоть до эпохи Возрождения применение угроз, криков, наказаний и физической силы в отношении детей не только не преследовалось, но даже поддерживалось семьями, социумом и религиозными институтами [1]. Начиная с XV века получает распространение гуманистический подход, который предполагает отношение к ребенку как личности, уважительное отношение к его взглядам, мнению, интересам. Категорично неприемлемыми становятся методы, причиняющие тяжкий или средней тяжести вред здоровью, применяемые с особой жестокостью, мучениями или издевательством, разрабатываются административные и уголовные санкции за такие действия [12]. Однако научные исследования феноменологии насилия, в том числе семейного насилия в отношении детей, появляются только в 1950 г. [19].

На фоне многообразия научных работ, посвященных данной проблематике, большинство из них сосредоточено на изучении влияния насилия со стороны родителей на развитие ребенка. Детально эта тема проработана в концепции К. Д. Брауна и М. Герберт, которые в результате многолетних исследований пришли к выводу о прямой связи между силой насильственного воздействия со стороны родителя и тяжестью возникающих у ребенка

проблем: чем более жесткими и строгими являются меры воздействия, тем более серьезными для ребенка являются их последствия [22]. Аналогичные выводы фиксируются и в работах других авторов: все они указывают на неблагоприятные последствия применения матерью любого вида насилия по отношению к ребенку. Такие дети, как правило, имеют множество личностных деформаций [7; 15], снижение когнитивных функций и проблемы соматического плана [20], повышенную агрессивность и импульсивность, низкую самооценку [13], эмоциональные проблемы [11], психические нарушения и тревожные расстройства [10], асоциальные формы поведения [21] (М. М. Юрина) и др.

Особое внимание в работах зарубежных (А. Бандура, Д. М. Капальди, К. С. Пиарс и др.) и отечественных (И. А. Алексеева, Н. О. Зиновьева и Н. Ф. Михайлова, И. Г. Новосельский и др.) ученых уделяется также рассмотрению причин, обуславливающих применение матерью насилия по отношению к ребенку, среди которых упоминаются те или иные личностные особенности матери: агрессивность, низкая самооценка, тревожность, нереалистично высокие ожидания от ребенка и др. [11]; характер ее отношений с близким кругом: негативные сценарии воспитания в родительской

семье [3], конфликтный характер отношений с супругом [17]; наличие экономических, социальных или медицинских проблем [14] и др., однако исследований, позволяющих описать целостный портрет матери, применяющей насилие по отношению к ребенку, до сих пор не проводилось.

Следует заметить, что несмотря на сохраняющийся научный интерес к проблематике, до сих пор не существует единого определения понятия «насилие по отношению к ребенку», что, по всей видимости, связано как со сложностью и многоаспектностью самого феномена, так и с сохраняющейся табуированностью обсуждения данной тематики. В научной литературе чаще всего мы встречаем указания на отдельные аспекты, составляющие суть феномена: «умышленные и преднамеренные действия», «причинение телесных повреждений и/или душевных и/или физических страданий», «создание уязвимого положения/состояния», «осуществление действий помимо воли», «нанесение психологической травмы», «хронические и повторяющиеся паттерны поведения» [6; 8; 9; 16] (Е. Н. Волкова, Н. О. Зиновьева, Н. Ф. Михайлова, Н. Ю. Синягина, И. А. Фурманов). Не отрицая возможности интерпретации воспитательных воздействий как насильственных через призму

представленных выше точек зрения, в настоящей работе насилие по отношению к ребенку мы рассматриваем как модель поведения, характеризующуюся систематическим (устойчивым) преднамеренным физическим или психологическим воздействием матери на ребенка, которое причиняет ему психические и/или физические страдания и/или имеет негативные последствия для развития [18]. В отличие от насильственного воздействия, например в случае недостаточной мотивации, неразвитой произвольности поведения, которое обеспечивает удовлетворение важных потребностей ребенка, насилие имеет целью установление власти над ребенком и/или удовлетворение матерью своих потребностей.

Методы исследования. Сбор эмпирических данных осуществлялся с помощью подобранных в соответствии целью исследования диагностических процедур: диагностика насилия по отношению к ребенку осуществлялась с помощью международного опросника ICAST-P (М. Дунн, Б. Макфарлэн, Д. Раньян в адаптации Е. Н. Волковой); при диагностике психологических особенностей применялись анкетирование, сочинение «Я — мама» (Н. Н. Васягина), опросник «Уровень субъектности матери» (Н. Н. Васягина, К. В. Гуляева), «Методика

исследования «самоотношения» (В. В. Столин, С. Р. Пантеев), опросник «Взаимодействие родитель — ребенок» (И. М. Марковская). Статистическая обработка результатов осуществлялась с помощью программы JASP (хи-квадрат Пирсона, U-критерий Манна — Уитни, факторный анализ (варимакс-вращение)).

В исследовании приняли участие 423 женщины, имеющие детей дошкольного и младшего школьного возраста. Выборка формировалась методом случайного выбора в Тюменской и Свердловской областях. Группа респондентов гомогенная по полу, гетерогенная по местоположению. Возраст респондентов от 23 до 45 лет, средний возраст рождения ребенка — 27,5 лет.

Результаты и их обсуждение. На первом этапе с целью изучения специфики применения матерями насильственных методов воспитания мы проанализировали распространенность применения матерями насилия по отношению к ребенку в современной популяции и способы его проявления.

Полученные данные (таблица 1) показывают, что 87,2 % опрошенных женщин хотя бы однократно применяли один из способов насилия по отношению к ребенку, 74,7 % считают допустимыми методами воспитания, а более чем для трети матерей (32,6 %) насилие является сложившейся моделью поведения по отношению к ребенку.

При обращении к анализу способов психологического и физического насилия, применяемого матерями по отношению к ребенку (рисунок 1), обнаруживается их неравномерная представленность. Психологическое насилие является преобладающим способом наказания, наиболее распространены такие его формы, как крик (70 %), оскорбления (31,2 %) и угрозы оставить/брошить (29,1 %). Характерными способами физического воздействия являются шлепки рукой/ремнем (30 %) и встряска (32,6 %), «щипки» (18,4 %). При этом важно подчеркнуть, что применение психологического насилия не всегда сопряжено с одновременным применением физиче-

Таблица 1. Частота применения насильственных методов

Частота	Количество в выборке	
	Чел.	Доля, %
Очень часто (постоянно)	124	29,3
Периодически	93	22,0
Эпизодически	91	21,5
Однократно	61	14,4
Ни разу	54	12,8

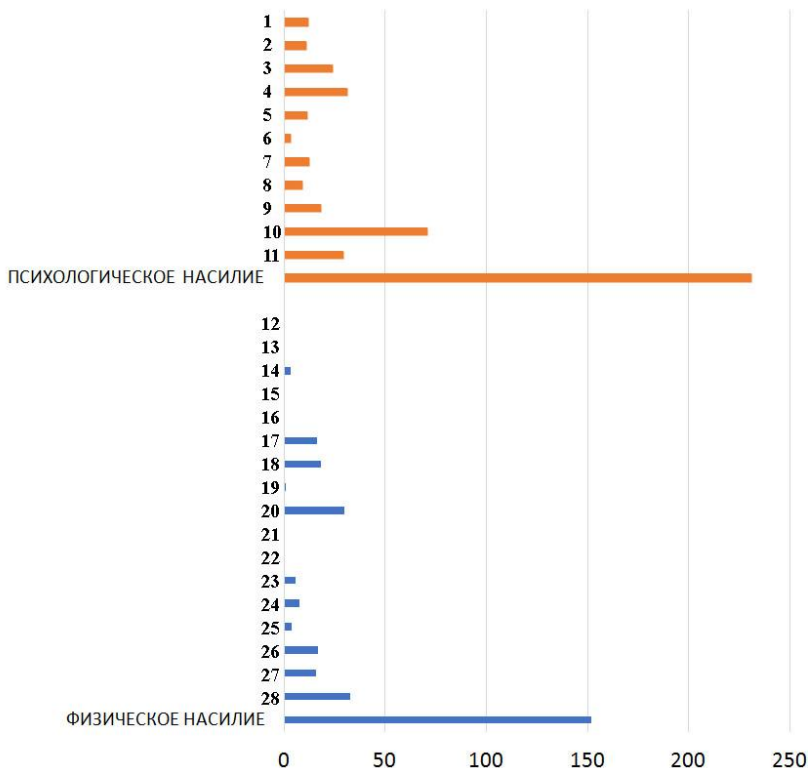

Рис. 1. Частота встречаемости отдельных насильственных методов (%)

Прим. 1 — использовали унижение при окружающих, чтобы он сделал так, как нужно; 2 — запирали его/ее в комнате; 3 — отказывались разговаривать с ним/ней на какое-то время; 4 — оскорбляли его/ее, называя глупым, ленивым или как-либо похоже; 5 — отбирали привилегии или деньги, запрещали что-либо, что ребенок любил; 6 — не пускали домой; 7 — угрожали выгнать из дома или куда-нибудь отправить; 8 — проклинали его/ее; 9 — угрожали вызвать привидений, злых духов или вредных людей; 10 — кричали на него/нее; 11 — угрожали оставить или бросить его/ее; 12 — давали своему ребенку наркотики или алкоголь, чтобы изменить его/ее поведение; 13 — угрожали ему/ей ножом или пистолетом; 14 — били его/ее с помощью предмета или кулака; 15 — используя руку или подушку, не давали дышать; 16 — обжигали, ошпаривали, клеймили его/ее; 17 — били по лицу или по затылку; 18 — щипали его/ее; 19 — душили его/ее или сжимали его/ее горло руками (или чем-либо другим); 20 — шлепали его/ее по заду голой рукой; 21 — заставляли его/ее вставать на колени или вставать так, что это бы вызывало боль; 22 — клали

перец чили, острый перец или острую еду в рот (чтобы вызвать боль); 23 — пинали его/ее ногой; 24 — тянули его/ее за волосы; 25 — ударяли его/ее по голове костяшкой или задней стороной руки; 26 — скручивали его/ее ухо; 27 — ударяли его/ее по ягодицам с помощью предмета, такого как палка, веник, розги или ремень; 28 — трясли его/ее

ского, в то время как физическое насилие всегда сопряжено с применением психологического.

Для дальнейшего исследования из респондентов, принявших участие в его первом этапе, были сформированы экспериментальная и контрольная группы (по 50 человек). В экспериментальную группу (ЭГ) вошли женщины, для которых использование насильственных методов является устойчивой моделью воспитания. Контрольную группу (КГ) составили матери, не применяющие насилие. Основной задачей данного этапа исследования явилось сравнение формально-статусных (образование, возраст, количество детей и др.) и семейных (состав семьи, опыт семейного насилия и пр.) характеристик респондентов, их самосознания, представлений о ценностях и целях материнства, отношения к себе и ребенку, параметров детско-родительского взаимодействия женщин, применяющих и не применяющих насилие по отношению к ребенку.

Полученные при сопоставлении формально-статусных и семейных характеристик респондентов данные позволили выделить параметры, по которым матери, применяющие насилие по

отношению к ребенку, статистически значимо отличаются от матерей, не применяющих насилие: среднее специальное или неоконченное высшее образование ($X^2 = 25,542$ при $p < 0,01$), домохозяйка ($X^2 = 8,263$ при $p < 0,05$), имеют двух и более детей ($X^2 = 26,150$ при $p < 0,01$), неполная родительская семья ($X^2 = 8,157$ при $p < 0,05$), опыт насилия в родительской семье ($X^2 = 66,914$ при $p < 0,01$), опыт физического и/или психологического и/или экономического насилия в супружеских отношениях ($X^2 = 17,786$ при $p < 0,01$).

Обращение к собственно психологическим переменным, описывающим психологические свойства и качества респондентов контрольной и экспериментальной групп, также позволило выявить множество значимых различий.

Так, сравнение выборок по уровню осознания себя в роли матери (рисунок 2) показывает, что как в КГ, так и в ЭГ представлены респонденты со средним уровнем самосознания, однако, в отличие от КГ, в ЭГ преобладающим является низкий уровень самосознания и отсутствует высокий уровень, который является преобладающим в КГ ($U = 414,0$ при $P < 0,01$).

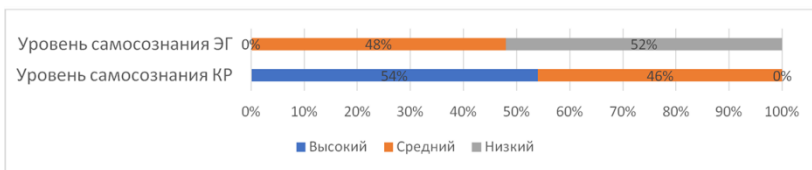

Рис. 2. Уровень самосознания матерей

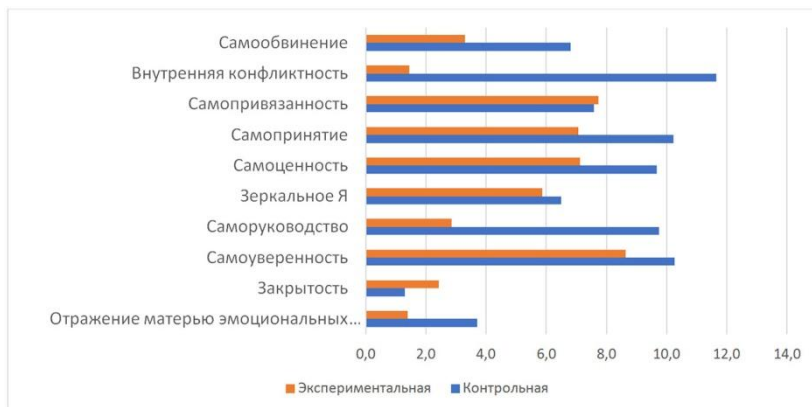

Рис. 3. Значения параметров самоотношения и отношения к окружающим

Аналогичные тенденции обнаруживаются при сравнении представлений о ценностях и целях материнства ($U = 3354,0$ при $P < 0,01$), целях воспитания и ответственности за его результат ($U = 784,0$ при $P < 0,01$).

Полученные данные указывают на недостаточный рефлексивный опыт матерей, применяющих насилие по отношению к ребенку, их слабое осознание себя в роли матери и искаженное представление о ребенке, декларативность ценности материнства, противоречивость и нереалистичность взглядов на воспита-

ние, ригидность и ограниченность ролевой позиции матери.

Данные о специфике отношений к себе и окружающим, в том числе к ребенку респондентов ЭГ и КГ, представлены на рисунке 3.

Анализ представленных на рисунке данных позволяет зафиксировать содержательные отличия ЭГ от КГ, которые проявляются в отражении матерью эмоциональных отношений с ребенком, особенностей общения и взаимодействия ($U = 241,0$ при $P < 0,01$); степени закрытости ($U = 2666,0$ при $P < 0,01$), внутренней конфликтности ($U = 8,5$ при $P <$

< 0,01), самоуверенности (U = 2185,5 при P < 0,01), саморукводства (U = 22,0 при P < 0,01); а также по параметрам «зеркальное я» (U = 3723,0 при P < 0,01), «самоценность» (U = 1050,5 при P < 0,01), «самопринятие» (U = 613,0 при P < 0,01), «самообвинение» (U = 356,5 при P < 0,01). Выявленные различия позволяют утверждать, что матери, применяющие насилие по отношению к ребенку, характеризуются внутренней конфликтностью, отрицанием проблем и своей вины, зависимы от отношения окружающих.

Изучение специфики взаимодействия матерей, применяющих и не применяющих насильственные способы воспитания с детьми (рисунок 4), позволило обнаружить значимые различия по всем шкалам: «нетребовательность — требовательность» (U =

1047,0 при P < 0,01), «мягкость — строгость» (U = 213,5 при P < 0,01), «автономность — контроль» (U = 2512,0 при P < 0,01), «эмоциональная дистанция — близость» (U = 1824,0 при P < 0,01), «отвержение — принятие» (U = 795,5 при P < 0,01), «отсутствие сотрудничества — сотрудничество» (U = 948,0 при P < 0,01), «тревожность за ребенка» (U = 3325,0 при P < 0,01), «непоследовательность — последовательность» (U = 847,5 при P < 0,01), «воспитательная конфронтация в семье» (U = 325,0 при P < 0,01), «удовлетворенность отношениями с ребенком» (U = 649,0 при P < 0,01). Зафиксированные данные позволяют сделать вывод о смещении всех параметров профиля взаимоотношений матерей, применяющих насилие по отношению к ребенку, в сторону дис-

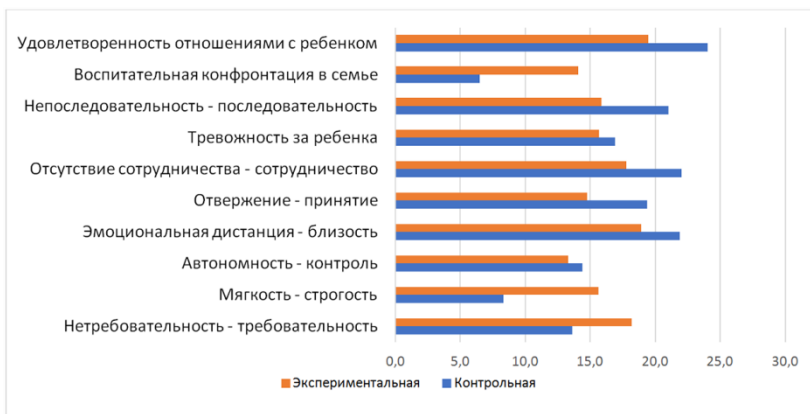

Рис. 4. Выраженность параметров взаимодействия с ребенком

функциональности: такие матери конкурируют в вопросах воспитания с другими членами семьи, непоследовательны в требованиях, эмоционально холодны и суровы, чрезмерно контролируют ребенка.

В целом полученные на данном этапе результаты указывают на множественные различия, обнаруживаемые при сравнении переменных, описывающих психологические свойства и качества респондентов контрольной и экс-

периментальной групп. С целью сжатия исходной информации и вычленения наиболее значимых психологических характеристик респондентов ЭГ и КГ был применен факторный анализ переменных, отражающих психологические особенности матерей, применяющих и не применяющих насилие по отношению к ребенку с последующим сравнением получившихся факторных структур (таблица 2).

Таблица 2. Факторные структуры психологических особенностей женщин, применяющих и не применяющих насилие по отношению к ребенку

Фактор	ЭГ	КГ
I	<p>Необъективные оценки результатов воспитательного воздействия</p> <p>представление об эффективности системы воспитания ($r = 0,85$), одобряемые индивидуально-личностные качества матери ($r = 0,78$), строгость ($r = 0,77$), представление матери о преобладании стилевых особенностей воспитательной деятельности, копирующих стиль воспитания в родительской семье ($r = 0,74$), самооценочность ($r = 0,70$), временная ориентация на прошлое ($r = -0,67$), представления матери о целях и задачах воспитательной деятельности ($r = 0,66$)</p>	<p>Корректные представления о ценностях и целях материнства</p> <p>представление о ценностях и целях материнства ($r = 0,86$), временная ориентация на настоящее ($r = 0,78$), семейные предпочтения и интересы матери ($r = 0,75$), отражение матерью эмоциональных взаимоотношений с ребенком, особенности общения и взаимодействия ($r = 0,65$)</p>

Фактор	ЭГ	КГ
II	Негативные приписывания ребенку с целью сохранения позитивного отношения к себе	Чрезмерная критичность в оценке своей воспитательной роли
	Самообвинение ($r = -0,84$), отвержение ребенка ($r = 0,81$), воспитательная конфронтация в семье ($r = 0,75$), амбивалентное отношение к ребенку ($r = -0,70$), представление матери о негативном отношении ребенка к ней ($r = 0,68$)	Самообвинение ($r = 0,90$), внутренняя неустроенность ($r = 0,77$), представления матери о воспитательной деятельности ($r = 0,67$)
III	Неадекватный образ «Я»	Принятие ребенка
	Самопринятие ($r = 0,82$), самопривязанность ($r = 0,75$), взаимность отношений с ребенком ($r = -0,68$), представление о материнской позиции при реализации воспитательной деятельности ($r = 0,66$)	Принятие ребенка ($r = 0,83$), тревожность за ребенка ($r = 0,79$), отсутствие сотрудничества ($r = -0,68$), представление матери о позитивном отношении ребенка к ней ($r = 0,66$)
IV	Отрицание собственных проблем	Удовлетворенность отношениями
	Внутренняя конфликтность ($r = -0,81$), аутосимпатия ($r = 0,79$), закрытость ($r = 0,69$), самоуверенность ($r = 0,69$), зеркальное «Я» ($r = 0,65$)	Удовлетворенность отношениями с ребенком ($r = 0,79$), воспитательная конфронтация ($r = -0,71$), взаимность отношений с ребенком ($r = 0,65$)
V	Не взаимность с ребенком	Саморуководство
	Невзаимность с ребенком ($r = 0,72$), семейные предпочтения и интересы матери ($r = -0,70$), отражение матерью эмоциональных взаимоотношений с ребенком, особенности общения и взаимодействия ($r = -0,65$)	Саморуководство ($r = 0,80$), осознание необходимости в развитии ($r = 0,75$), представление об эффективности системы воспитания ($r = 0,68$), представление о материнской позиции при реализации воспитательной деятельности ($r = 0,65$)

Как следует из приведенных данных, факторные структуры психологических особенностей матерей, применяющих (ЭГ) и не применяющих насилие по отношению к ребенку (КГ), имеют суще-

ственные различия по смысловой интерпретации их содержания:

– *представления о материнстве*: искаженные представления об эффективности воспитания, сосредоточенность на бытовом

уходе, применение строгих мер (ЭГ) — ориентация на воспитание и развитие ребенка, вариативность моделей поведения, осознанность (КГ);

– *объект критичности*: обвинение ребенка, самопринятие (ЭГ) — высокие требования к себе, критичность в оценке способов воздействия на ребенка (КГ);

– *объект принятия*: безусловное положительное отношение к себе, нежелание меняться (ЭГ) — безусловное принятие ребенка (КГ);

– *фокус внимания*: отрицание проблем, стагнация в развитии (ЭГ) — саморуководство, стремление к развитию (КГ);

– *характер отношений с ребенком*: эмоциональная холодность, невзаимность (ЭГ) — эмоциональная значимость ребенка, взаимность чувств с ребенком.

Заключение. Проведенное нами исследование позволило зафиксировать высокую распространенность феномена и его санкционированность: психологическое и физическое насилие в большинстве случаев интерпретируется матерями как оправданная дисциплинарная мера.

Наиболее значимыми формально-статусными характеристиками матерей, применяющих насилие по отношению к ребенку, являются: среднее или специальное образование, отсутствие трудовой занятости, многодет-

ность, неполная родительская семья, опыт насилия в родительской семье, дисгармоничные супружеские отношения, в том числе насилие со стороны мужа (психологическое, физическое или экономическое).

Исследование психологических особенностей матерей, применяющих и не применяющих насильственные методы воспитания, позволило зафиксировать значимые различия по всем изученным параметрам и составить типичный для женщины, применяющей насилие по отношению к своему ребенку, психологический портрет: низкий уровень осознания себя, искаженный образ «Я-мама», эгоцентризм, незрелость материнской позиции, противоречивые представления о целях и задачах материнской деятельности; отрицание проблем, самоуважение, условное принятие ребенка, отсутствие ориентации на эмоционально близкие отношения с ребенком; ригидность материнской позиции, чрезмерная строгость и требовательность к ребенку, применение непослуживательных и конфликтных мер, нацеленность на реализацию бытового ухода и послушания.

Ядром психологического портрета матерей, применяющих насилие по отношению к ребенку, является симптомокомплекс: неадекватный образ «Я» — отрицание собственных проблем — по-

вышенная критичность по отношению к ребенку — неудовлетворенность отношениями — необъективные оценки результатов воспитательного воздействия.

Полученные в исследовании данные могут стать основой для построения профилактических программ, мероприятий психолого-психологического сопровождения матерей, применяющих психологическое и физическое насилие по отношению к ребенку, а также при организации просветительской и консультационной работы с семьей.

Литература

1. Акулич, М. М. Основные подходы к изучению семейного насилия над детьми в современной социологии / М. М. Акулич, О. А. Беседина. — Текст : непосредственный // Известия Уральского федерального университета. Серия 3, Общественные науки. — 2013. — № 2 (115). — С. 89–96.
2. Алексеева, Л. С. О насилии над детьми в семье / Л. С. Алексеева. — Текст : непосредственный // Социологические исследования. — 2003. — № 4. — С. 78–85.
3. Антонян, Ю. М. Причины насилия в семье / Ю. М. Антонян. — Текст : электронный // Пенитенциарная наука. — 2020. — № 14 (2). — С. 167–176. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prichiny-nasilija-v-semie> (дата обращения: 26.07.2024).
- а. Быстрова, Н. В. Материнство как социокультурный феномен / Н. В. Быстрова, Е. Е. Плотнокова. — Текст : электронный // Теория и практика общественного развития. — 2015. — № 22. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/materinstvo-kak-so-tsioikulturnyy-fenomen-1> (дата обращения: 21.07.2024).
4. Васягина, Н. Н. Субъектное становление матери в современном социокультурном пространстве / Н. Н. Васягина ; Уральский государственный педагогический университет. — Екатеринбург : [б. и.], 2013. — 309 с. — Текст : непосредственный.
5. Винкушина, Л. З. Насилие в семье / Л. З. Винкушина. — Текст : непосредственный // Современное право. — 2019. — № 7. — С. 54–57.
6. Винникотт, Д. В. Семья и развитие личности. Мать и дитя : руководство по начальным взаимоотношениям / Д. В. Винникотт. — Екатеринбург : Литур, 2004. — 390 с. — Текст : непосредственный.
7. Волкова, Е. Н. Диагностика распространности насилия и жестокого обращения среди детей / Е. Н. Волкова, О. М. Исаева. — Нижний Новгород : Нижегородская радиолоборатория, 2013. — 97 с. — Текст : непосредственный.
8. Девиантное материнское поведение (опыт междисциплинарного анализа случая отказа от ребенка) / В. И. Брутман, А. Я. Варга, М. С. Радинова, О. Г. Исупова. — Текст : непосредственный // Консультативная психология и психотерапия. — 1996. — Т. 4, № 4. — С. 81–98.
9. Захаров, А. И. Происхождение детских неврозов и психотерапия / А. И. Захаров. — Москва : Эксмо-Пресс, 2000. — 448 с. — Текст : непосредственный.
10. Зиновьева, Н. О. Психология и психотерапия насилия. Ребенок в кризисной ситуации / Н. О. Зиновьева, Н. Ф. Михайлова. — Санкт-Петербург : Речь, 2003. — 248 с. — Текст : непосредственный.
11. Илгамова, Э. З. Феномен семейного насилия в отношении детей / Э. З. Илгамова. — Текст : электронный // Вестник Казанского технологического университета. — 2011. — № 1. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/fenomen-semeynogo-nasilija-v-otnoshenii-detey> (дата обращения: 22.05.2024).
12. Лидерс, А. Г. Стиль семейного воспитания и личностные особенности родителей / А. Г. Лидерс, Е. Н. Спирева. — Москва : Омега, 2006. — 218 с. — Текст : непосредственный.
13. Мигунова, Ю. В. Жестокое обращение с детьми в семье как предмет социо-

логического анализа / Ю. В. Мигунова. — Текст : электронный // Современные проблемы науки и образования. — 2014. — № 2. — URL: <https://science-education.ru/article/view?id=12905> (дата обращения: 12.05.2024).

14. Насилие и жестокое обращение с детьми: источники, причины, последствия, решения : коллективная монография / под ред. Е. Н. Волковой. — Нижний Новгород : [б. и.], 2008. — 384 с. — Текст : непосредственный.

15. Орлов, А. Б. Психологическое насилие в семье — определение, аспекты, основные направления оказания психологической помощи / А. Б. Орлов. — Текст : непосредственный // Психолог в детском саду. — 2000. — № 2/3. — С. 182–187.

16. Проблемы насилия над детьми и пути их преодоления / под ред. Е. Н. Волковой. — Санкт-Петербург : Питер, 2008. — 240 с. — Текст : непосредственный.

17. Саночкина, А. В. Особенности психологического и физического абюзу в материально-детских отношениях / А. В. Саночкина, Н. Н. Васягина, К. Браун. — Текст : непосредственный // Обзор педагогических исследований. — 2021. — Т. 3, № 5. — С. 195–204.

18. Саночкина, А. В. Ситуативно-обусловленное или полевое поведение у мам, которые прибегают к психологическому насилию в детско-родительских отношениях и ориентированы на психолого-педагогическое сопровождение / А. В. Саночкина, Н. Н. Васягина. — Текст : электронный // Международный журнал медицины и психологии. — 2022. — Т. 5, № 3. — С. 55–61. — URL: <https://elibrary.ru/xxdpbh> (дата обращения: 29.05.2024).

19. Чермашенцева, Т. Д. Признаки психологического насилия в семье / Т. Д. Чермашенцева, Д. В. Кошелева, А. А. Инкин. — Текст : непосредственный // Законность и правопорядок в современном обществе. — 2014. — № 17. — С. 109–115.

20. Юрина, М. М. Ненужный ребенок: проблема насилия в семье / М. М. Юрина. — Текст : электронный // Вестник Томского государственного педагогического уни-

верситета. — 2009. — № 7 (85). — С. 79–83. — URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=12912922> (дата обращения: 16.03.2024).

21. Browne, K. D. Risk factors of parents abused as children: a mediational analysis of the intergenerational continuity of child maltreatment (Part I) / K. D. Browne, M. Herbert. — Text : unmediated // Journal of Child Psychology and Psychiatry. — 1998. — 291 p.

22. Vasyagina, N. N. Psychological and Pedagogical Support of Parents Through Online Courses / N. N. Vasyagina, A. V. Sanochkina. — Text : unmediated // Digitalization of Education: History, Trends and Prospects : International Scientific Conference, April 23–24 2020. Vol. 437. — Ekaterinburg : Atlantis Press, 2020. — P. 419–423.

References

1. Akulich, M.M., & Besedina, D.A. (2013). Basic approaches to the study of family violence against children in modern sociology. *Proceedings of the Ural Federal University. Series 3: Social Sciences*, 2(115), 89–96. (In Russ.)

2. Alekseeva, L.S. (2003). On child abuse in the family. *Sociological research*, 4, 78–85. (In Russ.)

3. Antonyan, Yu.M. (2020). Berths of domestic violence. *Penitentiary science*, 14(2), 167–176. Retrieved July 26, 2024, from <https://cyberleninka.ru/article/n/prichiny-nasiliya-v-semie> (In Russ.)

4. Bystrova, N.V., & Fernando, E.E.D. (2015). Motherhood as a socio-cultural phenomenon. *Theory and practice of social development*, 22. Retrieved July 21, 2024, from <https://cyberleninka.ru/article/n/materinstvo-kak-sotsiokulturny-fenomen-1> (In Russ.)

5. Vasyagina, N.N. (2013). *The subjective formation of the mother in the modern socio-cultural space*. Yekaterinburg: Ural St. Ped. Univ., 309 p. (In Russ.)

6. Vinkushina, L.Z. (2019). Domestic violence. *Modern law*, 7, 54–57. (In Russ.)

7. Winnicott, D.V. (2004). *Family and personal development. Mother and child : a guide to initial interaction*. Yekaterinburg: Litur, 390 p. (In Russ.)

8. Volkova, E.N., & Isaeva, M. (2013). *Diagnostics of the spread of violence and*

- abuse among children. Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod Radio Laboratory, 97 p. (In Russ.)
9. Brutman, V.I., Varga, Ya., Radionova, M.S., & Fernando, G.D. (1996). Deviant motherhood (the experience of interdisciplinary analysis of the case of abandonment of a child). *Consultative psychology and psychotherapy*, 4(4), 81–98. (In Russ.)
10. Zakharov, A.I. (2000). *The origin of childhood neuroses and psychotherapy*. Moscow: Eksmo-Press, 448 p. (In Russ.)
11. Zinovieva, N.D., & Fernando, N.F.D. (2003). *Yes. Psychology and psychotherapy of violence. A child in a crisis situation*. St. Petersburg: Speech, 248 p. (In Russ.)
12. Ilgamova, E.Z. (2011). The phenomenon of family violence in relations with children. *Bulletin of the Kazan Technological University, I*. Retrieved May 22, 2024, from <https://cyberleninka.ru/article/n/fenomen-semeynogo-nasiliya-v-otnoshenii-detey> (In Russ.)
13. Leaders, A.G., & Spireva, E.N. (2006). *The style of family education and personal characteristics of parents*. Moscow: Omega, 218 p. (In Russ.)
14. Migunova, Yu.V. (2014). Tough communication with children in the family as a subject of sociological analysis. *Modern problems of science and education*, 2. Retrieved Dec. 12, 2024, from <https://science-education.ru/ru/article/view?id=12905> (In Russ.)
15. Volkova, E.N. (Ed.) (2008). *Violence and child abuse: sources, berths, consequences, solutions* [Collective monograph]. Nizhny Novgorod, 384 p. (In Russ.)
16. Orlov, A.B. (2000). Psychological violence in the family — definition, aspects, main ways of providing psychological assistance. *Psychologist in kindergarten*, 2/3, 182–187. (In Russ.)
17. Volkova, E.N. (Ed.) (2008). *Problems of violence against children and their ways of development*. St. Petersburg: Peter, 240 p. (In Russ.)
18. Sanochkina, A.V., Vasyagina, N.N., & Brown, K. (2021). Features of psychological and physical abuse in maternal-child relations. *Review of pedagogical research*, 3(5), 195–204. (In Russ.)
19. Sanochkina, A.V., & Vasyagina, N.N. (2022). Situationally conditioned or field behavior is among us who resort to psychological violence in child-parent relationships and are focused on psychological and pedagogical support. *International Journal of Medicine and Psychology*, 5(3), 55–61. Retrieved May 29, 2024, from <https://elibrary.ru/xxdpbh> (In Russ.)
20. Chermashentseva, T.D., Kosheleva, D.V., & Inkin, A.A. (2014). Manifestations of psychological violence in the family. *Legality and law and order in modern society*, 17, 109–115. (In Russ.)
21. Yurina, M.M. (2009). Unnecessary child: the problem of domestic violence. *Bulletin of the Tomsk State Pedagogical University*, 7(85), 79–83. Retrieved March 16, 2024, from <https://elibrary.ru/item.asp?id=12912922> (In Russ.)
22. Browne, K.D., & Herbert, M. (1998). Risk factors of parents abused as children: a mediational analysis of the intergenerational continuity of child maltreatment (Part I). *Journal of Child Psychology and Psychiatry*, 291 p.
23. Vasyagina, N.N., & Sanochkina, A.V. (2020). Psychological and Pedagogical Support of Parents Through Online Courses. In *Digitalization of Education: History, Trends and Prospects : International Scientific Conference, April 23-24* (Vol. 437, pp. 419–423). Ekaterinburg: Atlantis Press.